



МАРСЕЛЬ ГАЛИЕВ

СИМФОНИЯ ДУХА (РУХ)

(отрывок из поэмы)

*Дух – это знамя человеческой сущности.
Твоё знамя может обagrиться кровью,
но не должно быть затоптано...*

ДУХ

Рождается молодой день...

Как только Солнце приподнимется над горизонтом и, опершись на горную перину, потянется с негой, на Небесный свод и Землю устремляется поток живого разноцветья.

Впитывая телом и душой свет хорошего настроения из этого росистого райского источника, ты готовишься к началу суетного дня.

Ключ дня — под крылечком рассвета.

Именно в эти мгновения судьба передвигает назад очередную бусину на чётках твоей жизни. Этот день — один из тех считанных дней, пока ещё не ставших венцом твоей жизни, а потому он ещё более драгоценный, чем вчерашний...

Вернулась ли в грудную клетку вместе с животворящим ветром утра твоя расправившая крылья душа, всю ночь блуждавшая в иных мирах? И сколько словесных жемчугов, достойных вечного хранения в её мельчайших сотах, душа принесла с собой?!

Разбуди своё перо!

Со словами молитвы на устах возьми его в руки... Чуткий наконечник пера, покойно угнездившегося между пальцев, прикоснётся к бумаге и... на грядке белого листа один за другим начнут проклёвываться ростки слов. Их нежные стебельки, разрастаясь и наливаясь силой, потянутся в рост. Это и есть первые зародыши твоих рифмованных чувств, пульсирующих в душе.

Если тебе дана власть над Словом, дарован вдохновенный творческий огонь, это — воля небес. Значит, в тебе есть та мелодия, которую ты можешь спеть, стоя в центре этого необъятного мира и устремив глаза вдаль, на всполохи далёкой истории — через все твои прожитые годы, поделённые на четыре времени года!

Когда летописи древних высекались на челе гор;
 когда степь звенела от ржания тысяч и тысяч коней;
 когда земля тяжело прогибалась от половодья ратей, сошедшихся в жестокой сече;
 когда великие государства вдруг рассыпались в прах;
 когда при свете тусклого огня каллиграфы переписывали вечные дастаны...

Где был ты? Сумеешь ли ты, взвалив на свои плечи и величие, и падения прошедших эпох, достойно повториться в его отзвуках?

Растопчи ногами суету наших дней, зависть, убожество тех, кто не умеет найти животворящее слово в белизне бумаги, тех бесполезных, кто растерял веру во имя брэнной славы и благополучия, и...

Если тебе суждено стать Олицетворением Величия... Если Господь, возложив ладонь на твоё темя, осенил тебя благословением Небес... Если своим дыханием ты можешь вернуть к жизни сиротливые угли на остывших кострищах, — разбуди своё перо!

На кончике пера — Вселенная...

ЖАЖДА СЛОВА

Слово рождается на гроздьях души.

Что за чудо таится в слове, что за тайны? Из чего — из шёпота Неба, дыхания Земли — родились священные созвездья слов?

Загляни в своё сердце — ты, владеющий пером! Отыщешь ли для верующего — благочестивое слово, для просвещённого — глубокомысленное слово, для любящего — страстное слово?

Дай дорогу, окажи поддержку Слову благословляющему!

Я окидываю мысленным взором безбрежные просторы океана языка и чувствую, как меня охватывает беспомощность. Смущённый и потрясённый, я ощущаю его величие. Тяжким грузом ложится на плечи осознание того, что никто и никогда не сможет достичь противоположного берега этого океана...

Но нет, это ощущение безнадёжности — лишь на мгновение. Бескрайний океан зовёт, манит, притягивает, наполняет ветром паруса мечты. Смотри, как поблёскивает на волнах бисер слов... Однако поверхность вод доступна взору многих, а ты попробуй нырнуть глубже, достигни дна: раскрой упругие створки раковин, отыщи в укромных впадинах забытые жемчужины слов, посмотри, не остались ли под накипью лет несправедливо притеснённые, униженные, растоптанные, запятнанные слова...

Что за чудо таится в Слове, что за тайна?

В чём красота его, и вкус, и смысл?

Свободно ли его дыхание и соразмерно ли дыханию звучание?

Мысленно размотай клубок Слова — бьётся ли сердце в его ядре, какие звуки доносятся из пучины Слова: шорох ли орлиных крыльев, стон ли бескрайней степи, всполохи ли зарниц от скрещивающихся со звоном мечей, или, может, это всхлип стрелы, потерявшей свою остроту после удара о щит, или осыпаются с шумом камни под нетерпеливыми копытами коней; или, может... это горячее дыхание воина — лучшего среди равных, его чувства, о которых он прошептал на ухо юной деве, подсаживая её в седло?

Истинную цену Слова определит твоё сердце...

Бывает так: на куске каменного угля, добытого из глубин Земли, отпечатался след древнего растения; в горной породе вдруг оказалась раковина возрастом в десять тысяч лет. В горячем янтаре осталась позабытой на тысячу лет букашка с круглыми глазами... А корни дуба проросли, крепко обнимая бивень мамонта. И сколько ещё разных чудес. Такова и особенность развития языка: на протяжении веков некоторые слова, сочетаясь и объединяясь друг с другом, шлифуются и, наконец, слившись, сжавшись в одно алмазное ядро, создают главное слово. Осторожно разложи его корень... и — откроется чудо! Или попробуй поиграть с буквами и звуками, переставь их местами, заморочь Слово голову — и перепутаются столетия, время выйдет из берегов, смысл перевернётся с ног на голову. Или... подобно тому, как уголёк, забытый в кострище под слоем золы, вдруг проснётся и полыхнёт от дыхания ветра, вдруг вспыхнет истинное значение Слова. И ты вскрикиваешь: эврика! А ведь это Слово тысячи раз слетало с твоего языка — но ты не обращал внимания, не слышал крика его души, пульсации его крови.

В слова вместились характер и природа народа, его история, традиции и обряды, стремления, мысли и чаяния. Ещё с материнской утробы мы всем своим существом впитываем звуки и мелодию родного языка. И в соразмерности с его мелодией и звучанием, в соответствии с природой этого языка рождается глубокое ощущение гармонии национальной души. Утративший вкус языка — теряет и эту гармонию. Родной язык орошает тело, душу человека, определяет его характер, раскрывает безграничные возможности роста для его ума, а рождённые из внутренних возможностей этого языка мелодия и песня даруют человеческому духу исцеление, животворящую энергию стремления.

Почему порою, прорезая телом толпу чужих людей, я вдруг среди холодных глаз ловлю горячий, улыбчивый, с хитринкой взгляд и — останавливаюсь: ведь это — моё... Мы одной крови! Окликни его, и эти глаза не останутся равнодушными, заискрятся и загорятся огнём. В чём загадка? Значит, он воспитан в традициях нашего народа верным его сути. И в его душе живут неразделимо звучание родного языка и звучание народной песни.

Размер и ритм образа жизни народа, мелодика звуков его языка, рождённые ими песни и мелодии, создавая истинное звучание нации, естественным образом вливаются в общую музыку мира.

Поэт — посредник между Небом и Землёй.

Ему даровано счастье быть рабом слова. Лишь став пленником слова, он может завоевать свободу своей души.

Поэт — полководец. Его сабля — ум. Его стрела — перо. Поле битвы для него — чистый лист белой бумаги! Стоит ему лишь отдать приказ, и его растянувшаяся до горизонта словесная рать тотчас тронется с места и обернётся каскадом стройных мыслей.

Слово рождается на гроздьях души...

* * *

Если колодец языка мелеет, а колодезный журавль начинает скрипеть, меня охватывает ностальгия по родине.

Влекомый жаждой слова, я возвращаюсь туда.

Исток моей жизни, в тебе ли исцеление моей душе?

С ветром отсылаю свою весточку,

Приложив ухо к земле, услышь её,
Мальчик, стреноживший овода!

Издаലെка, стоя на берегах эпох, зову его, а он молчит... Так и не дождавшись ответа, я теряю терпение и пускаюсь в путь.

— Здравствуй, страна бесхитростной наивности!

Это не только мой родимый край, но и родина Слова.

— Здравствуй, курносый мальчонка!

Вон он стоит на противоположном берегу, молчит, смотрит отчуждённо, затем гордо отворачивается и, вскочив на своего коня — палку (седло его — ветер, плётка — ветка полыни, шлем — лопух), мчится прочь — только пятки сверкают. И — то ли ветры завертели-унесли, то ли лес раскрыл ему свои объятия, а может, поглотили его волны лошин и холмов или склонилась над ним, впустила в свои пещеры гора Чатыр-тау, но — ау! Исчез мальчишка прямо на глазах. Он и не узнал меня, не может, видимо, простить моё предательство — отъезд мой в дальние края. Ворота детства, увы, заперты. Прибёг бы к помощи «сим-сима» — но жаль, волшебное слово уже забыто...

Устремив взор на бескрайнюю ширь родного края, шепчу себе: «Я скучал...»

Но незаметно для себя я вдруг произнёс пароль, и невидимые глазу феи широко распахнули передо мной ворота. Ах, это же здесь, здесь... Как бы мне хотелось стать жеребёнком на твоих просторах, Долина Слов, заплутаться в твоих потаённых углах, Лес Слов, повалиться вольготно на твоих склонах, Гора Слов!

Я лежу в берёзовой роще под сенью папоротника.

Кувыркаюсь в лугах, где ветры играют в догонялки. Лишь после того, как я освободился от шелухи городской жизни, феи зелёного мира приводят меня к озеру, чтобы я очистился от мыслей.

Здесь тишина, молчание... впрочем, нет, каждое живое существо возносит благодарность. Восхищаясь своею тенью, отражённой на поверхности воды, водят хоро-воды бабочки. Летают четырёхкрылые стрекозы. Лягушка, метившая попасть на лист кувшинки, поскользнулась и, опрокинувшись навзничь, блеснула нижним бельём и с бульканьем пошла на дно. Кузнечик, приземлившись на стебель камыша, играет на кубызе. Цветы кувшинок ещё не проснулись, их губы ещё только нежно раскрываются навстречу рассветному лучу. В тальнике заливается серебристой трелью соловей. Воробушек, самозабвенно слушавший его, горько сокрушается: ах, ну почему и я не родился соловьём! — и, уткнувшись клювом в пушистую грудку, тихо плачет от зависти.

Здесь всё словно создано в угоду тому курносому мальчишке. Стараясь понравиться именно ему — плавают, летают, поют, жужжат, — всё вертится, копошится.

Пробежаться бы сейчас по дальнему лугу. Раньше, бывало, несёшься со всех ног и вдруг, налетев нечаянно на что-то острое, вскрикиваешь, будто наступил на раскалённую сковородку, падаешь наземь и вытаскиваешь из ступни ужалившую тебя колючку, не в силах сдержать слёз от боли, но... ах, какие же счастливые это были минуты!

И ещё — когда несёшься наперегонки — кто первый! — и, скидывая на ходу одежду, прыгаешь головой вниз в прохладу пруда, — до чего же опасно-приятными были те минуты!

А когда вечером у ворот дрожащими от избытка чувств губами ты впервые в жизни прикоснулся к губам своей юной соседки, как знать, быть может, в высоте, в глубинах космоса, столкнулись две звезды...



Ах, эти воспоминания — суть извилистые дороги к поэзии.

Ведь это здесь, в моей родимой стороне, где горизонт окаймлён голубыми горами... мой разум ласково пробудило самое Первое Слово — мамино слово. И потом, одно за другим, открывались передо мной колодцы языка! Из этих колодцев я черпак за черпаком щедро черпал Слово.

Как благодатное зелье разливались в моём теле и разуме — от сока дикого лука и щавеля — острое слово, от борщевика, дягиля, кислицы — сочное слово, от чертополоха — слово колючее, от земляники да ежевики — слово сладкое, от черёмухи, рябины — слово терпкое!

И снова я вернулся сюда, мучимый жаждой слова. Вернулся, чтобы отряхнуться, очиститься от чуждых слов, и пришёл к колодцу со старым колодезным журавлём. У колодца сидит величественный старец. Он прозрачен. По виду почти ангел. Он сидит, опираясь на гордый посох, сделанный из благородного можжевельника.

Корни того посоха — в глубинах Гималайских гор...

— Благословляю тебя! — говорит старик и кладёт свою руку, что легче ветра, на моё плечо.

На страже колодца — Дух Слова.

Перевод Гаухар Хасановой

